

Василий Иванович Немирович-Данченко

Трефовый король

(Святочная сказка)

I

Петя, вытаращив глаза, смотрит на тетю Машу, старую тетю, являющуюся для него неразрешимую загадкой. Все в доме смеются над нею, начиная с отца, называющего ее «невестой неневестною», и кончая мордастым лакеем Семеном, который раз, не заметив мальчика, проворчал ей вслед: «Ишь, лежалый брак! Поди, и на дешевке под праздник не спустишь»; Петя спросил было отца, что значит «лежалый брак» и «дешевка», и хотя получил обстоятельное объяснение, но не мог понять, какое имеют эти слова отношение к тете Маше. Петя — мальчик очень любознательный, памятливым и любит во всем доходить до сути. Он часто, упершись локтями на стол и щеками на ладони, вглядывался в старую деву и упорно соображал, что в ней необыкновенного. Кажется, такая же, как все, только что волоса на висках мышинными хвостиками завертывает, покрывает нашлепкой просвечивающее темя да чем-то мажет щеки, отчего они блестят у нее, как лакированные. Ну, и одевается во все яркое и пестрое, что Петя, со своей стороны, находит очень красивым и весьма одобряет. Гораздо же лучше, чем другая его тетя, замужняя. Она часто приезжает к ним гостить и вечно щеголяет в черном платье, как монашенка. Мальчик прежде очень часто добивался у тети Маши, отчего она не вышла замуж, но так как его любопытство разгоралось обыкновенно к вечеру, то на его вопросы следовало всегда раздраженное: «ступай спать, нечего болтаться да о глупостях разговаривать!..» Петя решил поэтому, что в жизни тети Маши была какая-то «страшная тайна», о которой говорить не следует, и стал интересоваться еще более...

— Тетя Маша, а тетя Маша? — прервал он ее на самом занимательном месте, когда она только что начала соображать, что вышло ей на картах.

— Ну? — недовольно оторвалась она от них.

— Ты это что делаешь?

— Видишь, гадаю!

— На трефового короля?.. — вспомнил он любимую фразу отца. — Зачем это, тетя, ты все на трефового короля гадаешь?

— Вот если ты еще раз такую глупость повторишь, я позову няню и отправлю тебя спать!

Петя прикусил язык. Он понял, что трефовый король имеет некоторое отношение к «страшной тайне», и с еще большим любопытством стал вдумываться в разложенные перед нею карты.

Мальчик часто целые вечера проводил вдвоем с нею. Его мать давно умерла, он почти и не помнил ее. Отец уезжал играть в карты — и, предоставленный самому себе, ребенок с еще

упорнейшею настойчивостью всматривался в тетю Машу, старался от нечего делать разгадать, что она такое и почему все к ней относятся так странно. И в этот вечер, сидя с нею, он вдруг вспомнил что-то и торопливо, словно боясь забыть это, спросил ее:

— Тетя Маша... Ты долго служила в военной службе?

— Что?.. — та от неожиданности даже смешала карты.

— Папа сегодня утром, — я из той комнаты слышал, — назвал тебя «старой гвардией»!

Петя никак не ожидал того эффекта, который произвели его слова. Во-первых, лакированные щеки тети Маши потускнели, во-вторых, она вскочила и неистово зазвонила в колокольчик.

— Ах ты, дрянь мальчишка. Приедет брат сегодня, я ему все расскажу. Все! Позовите няню...

— приказала она Семену.

— Что же я сделал, я только спросил, — оторопел Петя, вставая со стула.

— Пошел, пошел спать. Ах, негодяй, негодяй!

Мальчик обиделся и насупился, удерживаясь, чтобы не расплакаться от сделанной ему несправедливости.

— Я не шалил, не разорвал ничего, не разбил. Не капал чернилом на стол! Не шумел. А ты... ты злая, злая... да... злая!

Но старая Аксинья уже входила в комнату, зевая...

— Убери-ка своего оболтуса!

— Что, аль опять нашкодил?

— Да... Все с глупостями пристаает. Пора ему спать — уложи его!

— Еще только восемь часов, а папа велел мне ложиться в девять, — протестовал мальчик. — И я потом не пил молока!

Последний повод казался Пете столь победоносным, что он опять взобрался на стул.

— Ну, хорошо, хорошо. Отправляйся, тебе молока дадут в детской.

Аксинья была тоже немалою неприятностью для Пети. Во-первых, в его годы, в семь лет — на восьмом, быть под надзором няни постыдно. Точно он маленький! У его приятеля, Феди Карасева, гувернер уж, и Федя всегда, как увидит Аксинью, сейчас же выпятит нижнюю губу и сморщит нос, что очень обижает Петю... Во-вторых, папа давно хочет взять молодую гувернантку, но загадочная и непонятная тетя Маша всегда ссорится с ним из-за этого...

В конце концов, Петя видел, что все его обижают, и начинал разочаровываться в жизни.

— Няня, а няня? — поднялся он с постели.

— Чего тебе, спи...

— Что такое трефовый король?

— Трефовый король?.. Трефовый — всем королям король. Вот он какой... На него, брат, все гадают... Пиковый тоже марьяжный — только уж очень стар он... А трефового-то — всякой лестно!

— Ну, а отчего туз, у него только всего и есть, что одно пятнышко, а он старше короля?

— Ах ты, Боже мой... Отчего?.. Так уж...

— Отчего так уж?.. Я хочу знать, ты должна мне рассказать... Отчего — так уж?..

Но няня, спавшая в той же комнате на сундуке, — уже закрыла глаза и дышала медленно и тихо, как все старухи во сне.

— Никто не хочет со мною разговаривать!.. — и Петя уж было распустил губы, чтобы расплакаться, да вовремя вспомнил, что «плачут только маленькие», и стал сам додумываться до разрешения всех тревоживших его вопросов.

II

Детская, где он спал, была довольно велика. Она освещалась только лампадкою, горевшей перед образом. Ложась в постель, Петя долго следил, как огонек за розовым стеклом вспыхивает и опять точно к земле припадает; «жмурится», говорил про себя мальчик, и вместе с этим из серебряного оклада выделяется или тускнет темное, потрескавшееся лицо с строгими глазами... Так и теперь, задумавшись о трефовом короле, Петя не отводил взгляда от робкого огонька лампадки, словно подмигивавшего ему. Углы детской пропадали в сумраке; рядом из залы доносился бой маятника. Раз-два, раз-два... Два — сильнее, чем раз. Гораздо сильнее, точно кто-то шагал и, начиная с левой ноги, на правую припадал крепче и тяжелее... Иногда Пете чудилось, что это не маятник, а действительно кто-то ходит там по зале и отбивает свои раз-два... «Марширует, должно быть военный?» — думал мальчик... Не «старая ли гвардия», имеющая столь загадочное отношение к тете Маше, что она сердится при одном упоминании о ней... Да, разумеется, старая гвардия... И несомненно, что эта старая гвардия, так или иначе, связана с трефовым королем... Недаром тетя все на него гадает... Раз-два, раз-два, раз-два... Странное дело: Петя действительно различает теперь шаги и не одни шаги, но и шум какого-то оружия, и что всего удивительнее, не только он все это слышит, но и ни чуточки не боится, даже смотрит в дверь, не покажется ли кто?.. Шаги громче и громче... Что это?.. Неужели в дверях что-то такое мерещится ему... В самом деле, какой смешной!.. Петя во все глаза глядит, что-то знакомое... Где он видел эту странную фуражку без козырька, синий верх, красный околыш?.. Из-под нее волосы длинные, точно завитые, падают на плечи. Борода выбрита, одни усы маленькие кверху закручены. И одет как! Белый отложной воротник и синий жилет с белою полосой посередине... Нет, это рубашка видна... Красное платье. В левой руке алебарда и на ней трефовый крестик. На правую надет тяжелый медный щит. И уморительно как! Петя видит его отлично и шаги слышит, но ног у него точно нет, их не различить совсем, только до половины он, по пояс...

— Кто тут Петя? — слышится мальчику тоненький-тоненький голосок, который бывает только у серебряных колокольчиков...

— Я...

— Собирайся скорее!..

— Куда это?..

— Я к тебе прислан от трефового короля.

— А ты кто такой?

— А я... я трефовый валет. Разве ты не узнаешь меня? — и трефовый валет смеется, и, к крайнему своему конфузу, Петя видит, что тот действительно трефовый валет, и ужасно совестно мальчику, как он этого не сообразил сразу...

— А где живет трефовый король?

— В карточном царстве...

— Далеко это отсюда?..

— Нет, в зале, в карточном столе...

— Разумеется, — одеваясь, рассуждал про себя Петя, — это в зале ходил трефовый валет, а не часы стучали маятником. Если бы это был маятник — его бы Петя различал и теперь... А теперь там тишина...

— Ты как же это одеваешься?

— Как?

— А чулки?

Пете совестно признаться, что вот чулок-то он надеть не умеет... «Няня, няня», — шепчет он, а няня спит себе и посвистывает носом, точно у нее в него флейта какая-то вставлена... Но трефовый валет оказывается умным валетом... Он мигом понимает, в чем дело, и спустя секунду чулки на Петю надеты, и, к крайнему своему утешению, мальчик при этом не слышит обычного: «А еще большой такой вырос!»

III

В самом деле карточное царство в зале... Петя видит, что стол, где лежат карты, у самой стены. Валет ведет его к нему.

— Вот что я хотел сказать тебе, Петя... Ты сегодня увидишь у нас много странного, но ты ничему не удивляйся и не слишком-то разевай рот... А то над тобою все двойки хохотать будут. Они у нас смешливые... Если ты чего не поймешь, спроси, я тебе расскажу. У нас ведь не как у людей, мы живем по-своему и порядки у нас особые, и законы не людские.

— Да где же ход к вам?..

— А вот...

Валет дотрагивается алебардою до угла в столе, и изумленный Петя видит в нем маленькую дверь. Точно нора мышиная.

— Да разве я могу войти туда...

— Еще бы... Ты всмотришь хорошенько!

Петя глядит и видит — это не дверь, а целые ворота, и какие ворота!.. Высокие, широкие. По сторонам башни, на башнях — флаги всех четырех мастей. Или он вдруг сделался таким же крошечным, как сказочный мальчик с пальчик, или... или он уже ничего не понимает... У ворот сидят на страже четыре семерки, от всякой масти по одной... И как это ни странно, семерки, от нечего делать, играют в карты!.. Увидя валета, они вскочили и вытянулись, а

трефовая подошла к нему.

— Никаких приказаний не будет? — спросила она.

— Нет, никаких... Заприте теперь ворота опять до утра... Утром, как мы пойдем назад, пожалуйста, не заставляйте нас дожидаться...

Петя, оглянувшись, уже не видел никаких ворот. Их быстро затворили, и они слились со стеною, в которой были проделаны... Стена карточная; мостовая вся из крапу; громадная улица, которой и конца не видать, тоже из карточных домиков и домов. Фундаменты из кубиков, на которые употреблялись согнутые карты. На кубиках стояли карты углами, на них на платформах из карт красовались другие углы... Архитектура, при всей своей оригинальности, оказывалась Пете знакомой, потому что он и сам часто складывал такие же. Убедясь в этом, он почувствовал ко всему этому карточному царству полнейшее презрение.

— Дунуть и все ваши дома развалятся!

— А ну-ко попробуй дунь!

Только что Петя выпучил щеки, набирая в себя воздух, как вдруг точно по щучьему велению со всех сторон сбежались валеты — и бубновые, и червонные, и трефовые, и пиковые, и все они уставились в него остриями своих алебард. А издали с криками бежали двойки и тройки. Петя струсил и схватился обеими руками за своего трефового валета.

— Ну что, взял?.. — смеялся тот. — Видишь, мы тоже не промахи!..

Потом он сделал какой-то знак, и валеты разбежались во все стороны!..

Посредине улица пересекалась под прямым углом другой такой же, так что все карточное царство делилось на четыре квартала. Каждый был занят своею мастью, и по мастям они так и назывались бубновым, трефовым, червонным и пиковым. Красные с красными и черные с черными накрест. Стоя в середине, на большой площади, которая тоже вся была уложена уже не крапом, а синими и красными плитками, напоминавшими собою спинки карт 1-го сорта, Петя обнимал все кварталы и все четыре улицы отсюда... Зрелище было действительно величественное. Громады карточных домов — одни выше других — казались бы тяжелыми, если бы не были сквозными. Очевидно, свету и воздуху в этих домах не ставили преграды... «Вы не боитесь простудиться?» — спросил Петя. — «Отчего?..» — «А зимой от холода». — «У нас нет ни зимы, ни осени, ни лета, ни весны... Все наше царство у вас в комнатах — и вы сами, не зная того, заботитесь о нас...» Сквозь все эти ажурные и легкие постройки струился золотистый свет, но откуда он шел — Петя не мог никак заметить. Когда он освоился — ему мало-помалу становилось понятно все окружающее. В карточном царстве кипела своеобразная жизнь: двойки и тройки, на первый взгляд казалось, бесцельно суетились, сталкивались и разбегались, смешивались, кишмя кишели, посреди построек, каждая масть в своем квартале; четверки и пятерки работали в каких-то мастерских, приготавливая для королей, дам и валетов платье, оружие, украшения; шестерки и семерки играли роль полиции и солдат, одних они честью просили, других не пуцали; куда тем хотелось, третьих, напротив, тащили, куда им вовсе не хотелось; восьмерки, девятки и десятки оказывались чиновниками и, сидя в карточных канцеляриях, департаментах и конторах, писали — только не перьями, а мелками, и стирали написанное щеточками, отчего из присутственных мест вырывались на улицы удушливые клубы белой пыли, заставляя неистово чихать и раскашливаться двоек и троек... Фигур не было видно вовсе... Они сидели в своих дворцах... Посреди центральной и единственной площади находилось громадное здание, выше всех, вроде дворца или храма, самой причудливой архитектуры. Кругом сутолка, гомон... У Пети даже голова закружилась. Еще бы: суетливые двойки и тройки кишмя кишели здесь у самых сеней, как у себя дома. С четырех сторон этого здания было четверо ворот, с вырезанными на одних трефовым крестом, на других знаком бубен, на третьих пиковым гербом, на четвертых червонным

сердцем. У ворот сидели тройки, весело зазывая проходящих.

— Господа двойки! И вот заведения!..

— К нам, к нам!..

Когда Петя подошел ближе, он заметил на одних воротах надпись: «распивочно и навынос», на других «продажа и покупка (дешевый и быстрый кредит)», на третьих «Бубновый туз и Ком. Общество поземельного кредита. Контора банка всевозможных операций», на четвертых значилось кратко: «кутузка!» и тут двойки вели себя смиренно. Сюда никого не приглашали. Напротив, у ворот стояли на часах две шестерки.

— А тут кто живет? — спросил заинтересованный Петя, подымая голову вверх, где находились второй и третий этажи с массою окон, закрытых плотно опущенными жалюзи.

— Тсс!.. — остановил его трефовый валет и, только когда этот палаццо был позади, наклонился к мальчику и прошептал: — Это дворец четырех тузов, управляющих нашею колодою...

— Чем?

— Ну, нашим царством, если хочешь!

— Отчего их все боятся?..

— Было время — не боялись... — и лицо валета сделалось угрюмо.

— Вот что, няня мне не хотела ответить или не умела, отчего туз такой маленький и из одного пятнышка только, а старше короля?..

— Много будешь знать, скоро состаришься! — проворчал валет и, очевидно, пришел в еще худшее расположение духа. — Да, вот навязали себе на шею — теперь и плачемся! — бормотал он про себя... — С королями-то жилось плохо, думали лучше будет... Нет купцы-то слопали нашего брата еще превосходнее!..

— Слопали? — радостно вмешалась проходившая мимо двойка... — Не нравится, видно?.. По-прежнему бы вам, хамову отродью, нашего брата в куски рвать. Нет, врешь. По нынешнему времени и на вас, валетов, управа есть. Только и свету-то мы увидели — как вас отменили...

— Ты отменил, что ли? — злился валет.

— Я ли, не я — а только вот хожу около, не опасаюсь. Тебе бы хотелось — в морду мне, а нет — руки-то связаны. То-то вы и грустите, что по-старому-то вам нельзя... Слава-те, Господи! Тузы-то на вас расчудесно намордники надели. Куснул бы — ан нет, простору-то того не оказывается... Сейчас туз тебя по шапке хлоп...

— Вам-то с тузами житье хорошее!

— Нам... Нам, брат, всегда плохо было, а только что, надо правду сказать, — теперь мы своих уважаем... Прежде — кромсали и увечили вы нас, а мы ничего не понимали... А теперь учуяли где и что. Видим!

— То-то и легче вам живется!

— Легче... Потому туз-то — и на вас, и на нас одну управу имеет. Нам не сладко — да и вам не рай!.. Тронь хотя мало, попробуй!.. Ну-ка...

— Стану я вязаться с тобою, пропойца!

— То-то... А в прежнее время бы ты со всем форсом, по благородству своему, в морду мне заехал... А теперь, вишь, вязаться-де не хочю... Морды-то пока нет, отменена... Чуть что — я сейчас тебя могу за шиворот и на расправу... А вам и прискорбно, что морды-то нет, потому вам за первое удовольствие по ней, значит, шаркать!.. Нет, что, брат, говорить — а мы тузами вот как благодарны. Потому погоди — придет время, мы и на них-то силу найдем. Сравняемся. Тогда и жить лучше станет. С тузом-то мы справимся, небось... Туз-то ведь нами держится. Дай нам только очухаться да осмотреться, мы и ему покажем порядки.

IV

Трефовый король жил в большом карточном дворце.

Как ни был мал и неопытен Петя, но и его поразил необыкновенно ветхий вид этого палаццо... Он весь был из захватанных и засаленных карт, из таких лопоухих, разбухших, избранных, в которые обыкновенно его няня Аксинья играла на кухне в дураки с кухаркою Матреной. Мальчик обратил на это внимание валета, но тот опять нахмурился и точно про себя заворчал: «Все новые карты — у тузов теперь. В экономии их они держат, говорят: и так в старых-то поживете, не сахарные. Целыми колодами они их прячут у себя в подвалах. Ну, старичкам и приходится обходиться теми, какие у них были еще тогда».

— Когда — тогда? — добивался Петя.

— А в те времена, когда тузы еще не покрывали королей...

Вокруг самого дворца ходила какая-то дама. Петя засмотрелся на нее и рот разинул даже... Она была в красном плюшевом корсаже с синей каемкой сверху; на шее у нее красовалась в два ряда толстая золотая цепь с медальоном, на котором изображена пиковая масть. В руках она держала и жеманно нюхала белую лилию. Лицо у дамы точно лакированное, и волосы на висках завивались мышинными хвостиками. Петя даже увидал накладку у нее на темени и усики над верхней губой...

— Да это тетя Маша!

— Какая тетя Маша?

— Папа говорит, что она из «старой гвардии», и все смеются над нею!

— Не знаю. У нас ее называют пиковою дамой, и она ужасно надоела тремовому королю, все за ним бегают, все у его дворца с вечера до утра топчется!

— А днем?

— Днем не знаю... днем мы спим!

— А я знаю, — обрадовался Петя. — Днем она все на тремового короля гадает.

Король оказался очень приветлив. На нем была синяя шуба, отделанная белым мехом. Под синей шубой Петя видел красный кафтан... Он сейчас же узнал его — совсем такой же, как в колоде у тети Маши. Трефовый король видел, как тетя Маша — пиковая дама, тоже все шляется внизу, выжидая его, и подмигивал своим валетам. Валеты смеялись совершенно так же, как смеялся Семен, и один из них даже произнес знакомое Пете: «На дешевку бы этот

лежалый брак, на дешевку».

— Она с тридцати лет за мною ходит — а до тридцати никакого внимания не обращала, разборчивою невестою была! — объяснил король... Но Петю теперь интересовало совсем другое. Он тщетно доискивался, чем этот трефовый король настоящий непохож на трефового короля тетиной колоды. И тот, и не тот — в то же время. Наконец, точно что-то озарило его.

— А где, дядя, твоя золотая шапка?..

Трефовый король сконфузился. Валеты зашептались. Пришедший с ним дернул его за рубашку и шепнул: «Молчи. Шапка давно в кладовой у бубнового туза лежит!»... Но заставить Петю замолчать было нелегко... Он увидел, что руки короля пусты.

— А золотая палочка, которую ты держишь обыкновенно в левой руке, и блюдо такое, что в правой, — где?

Трефовый старик сконфузился еще пуще. Валеты пришли в окончательное смятение. «Там же, там же, у бубнового туза», — лепетал ему на ухо путеводитель.

— А цепочка золотая с такою штучкою, на которой еще черный крестик вырезан...

Но тут уже случилось нечто совсем неожиданное. Старый король заплакал, и, точно по сигналу, зарыдали в унисон толпившиеся у стен валеты...

— Все у бубнового туза... Все у бубнового туза... — Объяснил Пете уже сам король. — Все у него...

— Бубновый туз — самый старший туз... Самый старший туз. У вас, у людей, червонный туз в чести, а у нас ему почету мало... У нас бубновый — все. Прежде козыри были — он и козырей отменил, только себя козырным тузом почитает. Это он и намутил все в нашей колоде... Все у него, все. Он у нашего старичка даже и трефовую даму отнял. Известное дело, даме-то сладок лакомый кусок, ну, а у нас кусков этих не стало, давно, с тех пор, как тузы начали королей покрывать. Все вверх дном и перевернулось. Поголодала-поголодала трефовая дама — известно, она не то, что мы, к нужде не привыкла. Снесла к бубновому тузу сначала свою герцогскую корону, потом ожерелье, медальоны, наплечники... А потом видит, что чем дальше, тем все хуже дела идут — взяла да и ушла сама...

— Куда?

— Все к тому же бубновому тузу. Да и не она одна — все дамы ушли, кроме пиковой, которой тузу, по ее старости, совсем не надо, она всю жизнь вот и гадает на трефового короля и ходит-бродит вокруг... А червонная и бубновая давно там...

V

И действительно, в эту самую минуту на улице у дворца послышался звон маленьких колокольчиков, посвистывание каких-то крошечных флейт, трескотня барабанов меньше наперстка и восторженные крики двоек и троек: «Ай да пузырь, ай да пузырь! Эко нашего пузыря разнесло-то... Гой ты еси, батюшка-пузырь, дай тебе Бог, пузырю, долгие веки еще красоватися, да на себя, пузыря, любоватися».

Петя видел, что и трефовый король сорвался с места, бросился к окну и тоже стал низко кланяться, а валеты отмахивали поклоны еще ниже, приговаривая про себя: «Ишь

расперло-то купецкое брюхо», но только так, чтобы на улице этого слышно не было... Подошел Петя и изумился. По синему крапу двигалась целая процессия. Крошечные флейтчики и колокольчики впереди. Целый отряд шестерок и семерок за ними, а за отрядом на роскошной круглой колеснице с изображением и с надписью вокруг «в пользу воспитательного дома» — ехал сам бубновый туз. Эдакого вздутого пузыря еще и не видывал мальчик... С головы его болтались во все стороны дубовые и лавровые ветви, а на лбу красовались слова «1-й сорт»... За бубновым тузом шли остальные три туза, но более скромные, хотя каждый из них, бахвалясь, кричал: «Мы покрываем всю масть, мы покрываем всю масть»... За ними, улыбаясь, жеманясь и кокетничая, подпрыгивали три дамы с цветочками в руках и длинными флеровыми покрывалами за спиной.

— Почему же бубновому тузу честь такая? — спрашивал Петя.

— А он козырной туз! — тихо отвечал ему валет, все ниже и ниже отвешивая поклоны.

Туз в это время поровнялся с окнами трезового палаццо и увидел в них умильно кланявшегося во главе его валетов короля.

— Жив еще старичок? — крикнул он ему, смеясь во все свое тузовое брюхо.

— Живу, живу твоими милостями...

— Как вы думаете, господа тузы? — обернулся Бубновый к своим спутникам. — Пуцай еще живет? А?

— Что ж, пуцай! Старик он смирный. Старые глупости-то свои оставил. Тише воды, ниже травы теперь. Пуцай живет пока... — согласились те.

А трезовый старик все ниже кланялся и не заметил, бедный, как бубновый туз мимоходом снял с него голубую шубу, отороченную белым горностаевым мехом, и унес с собою. Так и остался карточный король в одном красном полукафтаные... Трезовая дама, проходя мимо него, потупилась и зашептала что-то бубновой... Валеты и те даже не выдержали.

— Ишь, паскуды! — заговорили они про себя, — обрадовались, изменщицы, даровым кормам да сладкому житью, оставили старичков. Одним словом — бабы! Ну, да погодите мы-ста... — грозили они, продолжая в то же время кланяться тузовым спинам.

А что «мы-ста», так и осталось неизвестным...

Петя смотрел во все глаза на эту сцену, но ничего в ней понять не мог; только когда он обернулся — король, пригорюнившись, уже сидел на своем месте.

— Что это, старичок, значит? — обратился к нему мальчик... Ты бы, дядя, рассказал мне. Я сказки вот как люблю... Отчего эти тузы так тебя обижают...

Король справился с своим горем, велел мальчику сесть рядом и начал свой рассказ.

VI

«Видишь ли, друг мой, было такое время, когда короли все карты покрывали и били, а последними из этих карт оказывались тузы, потому что, сам ты знаешь, ничего в них нет особенного. Только что вот значок посредине и кругом белое поле; никаких на них узоров не нарисовано, и ничем таким, кроме проходимства и юркости, они никогда не отличались.

Правду говоря, у нас все не по-настоящему, здесь и мы сами не настоящие, а карточные. И короли мы не настоящие; коли бы настоящими были, сила бы у нас оказывалась. Собственно, мы не короли, потому что где же это водится, чтобы в одной колоде четверо королей значилось? Изойди весь белый свет, и нигде ты такого безобразия не найдешь. Мы, говоря по совести, были скорее рыцарями и, поделив колоду, жили друг с другом, как собаки, грызлись, подстерегали несчастных двоек и троек и задавали им знатного трезвона, ходили они при нас помирнее барашков, и не ходили, а ползали, как чернеди и подобает; а мы воевали масть против масти, но все же считали себя взаимно равными до тех пор, пока вследствие разных случайностей одна масть не стала пересиливать другую. Явились козыри — и все пошло прахом. Козыри были кичливы, хвастливы. Они не находили нужным работать, тратили много, короче — козырялись. Для того, чтобы жить, как им следовало, по-козырному, понадобились большие деньги. Одним грабежом да взаимной потасовкой много не добудешь. С двоек-то, да с троек все мы сняли — больше, кроме собственной шкуры, ничего не оставалось. Теперь-то они разговаривают, а тогда только глазами хлопали да в землю кланялись. Тут-то и вынырнули тузы. До тех пор они были самыми распоследними из последних. Вместо того чтобы работать, они только шлялись да поворовывали исподтишка, что плохо лежало. А потом, как козыри перепутали все наши отношения, тузы и поняли, что настает их время, что кругом все больше и больше мутной воды, и начали они, друг ты мой, в этой воде рыбку ловить. И как ловили-то! Четверки и пятерки работают, а тузы продают. Схватят товар, бегут к покупателю, а то за шиворот покупателя — и к товару. И за все про все свой процент берут, и с товара, и с покупателей. Плutowали они, плutowали явно, да что с ними сделаешь? Во-первых, у них на побегушках двойки да тройки. Бывало, только сцапаешь туза — ан он оказывается ни при чем, двойка виновата, двойку и рвут. Двойка-то ведь глупа, оправдаться ей где! Только, дура, глазами хлопает, плачет да в ноги кланяется. Не всегда, впрочем, и сначала-то туза сцапать можно было. Козырной масти деньги требуются, козырная масть сила, а туз, тут как тут, мешочком позвякивает, на роже-то у него «с моим удовольствием» написано «пожалуйста получить»... ну, и стали козыри запускать к ним в кошель лапу. Чем больше запускают козыри лапу в тузовые кошель, тем всей колоде хуже... А тут и короли тоже обмякли. Стало при новых порядках трудно справляться, дел мы не знали, как они шли по-новому, а по-старому-то нам, рыцарям, невозможно, только глаза на нас публика таращить — ну, тузы, сейчас как лист перед травой. «О чем, — говорят, — вашим благородиям заботиться? Сидите в своих замках да пируйте, а мы все управим. И с чернеди соберем, к вам принесем, и шестеркам да семеркам жалованье отдадим, и валетов разбойных накормим, и всеми вашими именьями так распорядимся, как вам и во снах не снилось». Ну, известно, мы, рыцари, только драться умели. Лбы-то у нас от шишаков, сам, поди, слышал, железными поделались. Обрадовались мы тузовой охотке и сдали им с рук на руки все, и действительно, нужно чести приписать, на первых порах-то, брат Петя, отдохнули мы. Все у нас пошло как по маслу. Никакой у нас заботы — одни радости да *partie de plaisir*'ы [1]... Дамы наши защеголяли, мы сами свет увидели. И воевать даже бросили — все «зрелищами да увеселениями» развлекались... Чудесно было... А туз-то все знай бегаёт, и жалованье платит, и валетов кормит, и войско содержит; к нам только впопыхах забежит с бумагой какой-то. «Подпишите-де, ваше благородие». Мы писать не умели. «Приложите пятерню». Ну, приложим... И все мы это прикладывали да прикладывали пятерни — и казалось, всю жизнь так будет: с одной стороны «пятерни», с другой — «зрелища и увеселения» — ан вышло совсем неожиданное. Слышим мы в народе ропот какой-то. Двойки с голодудохнут; шестерки и семерки по несколько лет, как у турецкого султана, без штанов сидят... Мы тузов на цугундер — а те нам наши же пятерни показывают... Нако-де — выкуси. Сначала вы по этим-то пятерням заплатите. Как платить? До тех пор мы и слова такого не слышали!.. Откуда, спрашиваем, такие глаголы в нашей грамматике появились? В академию наук! Академия справилась: действительно, говорит, глагол такой есть, но к вашим благородиям применить его нельзя. Сейчас мы шестерок и семерок — «воюйте», говорим. С кем это? С тузами — а тузы, не будь дураки, сейчас их новыми штанами поманули. Те к ним... Мы девяток и десятков — ан и те, кто чиновник — только тузом и держится, даже купец по шею у туза в долгу сидит... О двойках толковать не было возможности. Их разоряли-то ведь от

нашего имени — они за тузов горой... И пошла тут, брат Петя, такая усобица — упаси Господи. Никак нам с тузами столкнуться нельзя было. Мы и языка их не понимали. Завели они какие-то слова: «плата, экономия, конкурс, тузовое управление, тузовая администрация»... Пошли это «судебные пристава». Смерть наша приходит, а взяться нам не с чего — силы той нет... Ну, тут и ограничили нас тузы... Помиловали они нас, правда: живите, говорят, старики, в своих замках, пока Бог грехам терпит, а только угощения вам больше никогда не будет! Живите, говорят, и когда нам понадобится, действуйте! Потому мы все-таки к вам с полным уважением; сказано ведь: «Несть власти, аще не от Бога!..»

Тут трефовый король заплакал — и зарыдали все валеты по углам...

«Вот только их тузы нам и оставили, потому, видишь ли, — шепотом заговорил король, наклоняясь к Пете, — валетов-то содержать тузам накладно, на одни ливреи им сколько денег понадобится — сочти!.. Потом же по их лакейскому званию и аппетиты у них — семь толстых коров фараоновых им на один обед только и хватит, они их и не тронули... валетов-то... «Живите по-прежнему, и пушай вам валеты повинуются, но ежели что — смотрите!..» Дамы при нас были недолго... Известная вещь, даму холить надо. Она покою требует. Ей и турнюрчик, и эгретку там всякую, и сережки предоставь — и кушанья она грубого есть не может, сластены тоже! Ну, вот, глядь-поглядь, дамы-то наши одна за одну все к тузам сбежали... И пошло с тех пор, брат Петя, у нас безобразие неописанное. Спервоначально тузы-то всех слопали, а потом один — пройда естественная, бубновый-от туз, то есть такая шельма распроединственная, что ни в сказках сказать, ни пером описать, — давай, — говорит другим тузам, — заведем и у нас по козырному... И стал он один козырем и козырным тузом, и увидишь, что невдолге он всех остальных тузов проглотит и не подавится.

— Что же, двойкам-то лучше стало? — спросил Петя.

— Бог их знает! Пропились двойки совсем. При нас-то им не на что пить было! А теперь — вот они как у него, у бубнового-то пузыря, в кулак зажаты. Мы их, правда, вразнос разносили, но куда. До душ-то ихних мы докопаться не могли и не хотели, потому души-то в двойке, думали, нет, ну, а чего нет, за то не ухватишься. Ан теперь-то душа у двойки нашлась. Бубновый туз-то отыскал ее пропащую душу. Теперь у него и на душу своя цена положена. А раз цена есть — сейчас душа в продажу идет... Опять же и расхлесталась двойка-то! Было время — смиренная овца оказывалась, только что хвостом трясла. А теперь нет. Галдеть выучилась. Праву какую-то требует. Ты, говорит, нам нашу полную праву подай... А при нас правом ей, двойке, только и было, что «дрожмя дрожит, да ежечасно к праведной кончине готовится!»

Вдруг вдали послышался шум.

Валеты бросились к окнам дворца, один, стоявший на башне, зазвонил тревогу... Кто-то орал на улице.

— Что там? — обеспокоился трефовый старичок.

— Пьяные двойки... Провожают к нам кого-то... Не видать еще...

— Посмотрите-ко хорошенько!.. Да велите на всякий случай двери запирать...

Сверху, с башни, послышался звон еще более тревожный...

— Батюшки, ваше благородие! — заорали валеты, кидаясь как угорелые по сторонам.

— Чего еще?.. — и трефовый король привстал с места.

— С двойками-то кто?.. Судебный пристав с ними!.. Король дрожмя задрожал, точно его один папин знакомый взял в руки, которые у него тряслись всегда.

— Какой масти судебный-то пристав?

— Бубновой...

И случилось тут чудо великое... Был трефовый король, и не стало его... Посмотрел Петя, и вдруг сначала слинял трефовый король, а потом точно его и не существовало...

Петя стал было искать трефового короля — и не нашел, а не найдя, с испугу заплакал, но тут на него набросились валеты. И чем больше он плакал, тем они сильнее трясли его... «Ну, чего, чего ты», — кричали они ему. «Встань, лентяй, подымись... Стыдно, ты ведь уже не маленький».

И Петя действительно встал и глаза протер.

— Что же это со мною... где же... валеты-то... Карточное царство где?

— Какое карточное царство, — крестила его няня... — Ишь, заспался-то. Едва встрясла-то. Карточного царства захотел!

И действительно, где оно? Солнце ярко светит в окно. В зале за столом пьют чай. Слышен папин голос и недовольное брюзжание тети Маши... Точно что-то вспомнил сейчас Петя и обрадовался.

— Тетя Маша, тетя Маша! — крикнул он ей туда.

— Что тебе?

— А я теперь знаю, кто ты, знаю, знаю... Ты пиковая дама, ты все за трефовым королем бегаешь. У-у, пиковая дама, и все валеты над тобою смеются!

Тетя Маша взвизгнула и бросилась к отцу. Отец Пети накануне проигрался, спал скверно, потому был сердит. Петю высекли.

1880-е гг.

[2]

Примечания

1

увеселительные прогулки (фр.).

2

Печатается по изд.: Немирович-Данченко Вас. И. Святочные рассказы. - 4-е изд. — Спб., 1904. — С. 164–184. Василий Иванович Немирович-Данченко (1844–1936), брат знаменитого режиссера, был в свое время не менее знаменитым военным репортером. Автор многочисленных романов, рассказов, очерков. Пробовал свои силы как поэт. Выпустил более 250 книг.